

Мѣщанство и русская интеллигенція.

I.

Когда будутъ говорить: миръ, миръ,—тогда внезапно нападеть на нихъ пагуба. Это пророчество никогда не казалось ближе къ исполненію, чѣмъ въ наши дни.

Въ то самое время, когда Западъ въ лицѣ Россіи заключаетъ миръ съ Востокомъ и всѣ народы повторяютъ: миръ, миръ,—происходитъ воинственное свиданіе въ Свинемюнде. Два просвѣщеннѣйшіе народа сошлись только для того, чтобы показать другъ другу бронированные кулаки. Точно два хищныхъ звѣря подкрались другъ къ другу, сдвинули морды, рыча и скаля зубы, обнюхались, ощетинились, готовые броситься, чтобы растерзать другъ друга, и пятась, молча разошлись.

Это не реальное событіе, а идеальное знаменье современной европейской культуры. Внѣшняя политика только циническое обнаженіе внутренней. „По плодамъ узнаете ихъ“. Плодъ внутренняго, духовнаго мѣщанства—внѣшнее международное звѣрство—милитаризмъ, шовинизмъ.

И у древней римской волчицы были острые зубы, была кровожадная хищность въ политикѣ. Но когда дѣло доходило до нѣкоторыхъ общихъ идей—до Рах готана, идеи вселенскаго мира и Вѣчнаго Града, воплощенія вѣчнаго разума,—Римъ останавливался и благоговѣнно склонялъ свои fasces, значки легионовъ съ побѣдоносными орлами передъ этими нерушимыми святынями. И въ самую глухую ночь средневѣковаго варварства, среди феодальной междоусобицы, на-

роды прекращали войны и слагали оружіе, по мановенію кроткаго старца, римскаго первосвященника, который напоминалъ имъ завѣтъ Христа: *Да будетъ единъ пастырь и едино стадо.*

Теперь уже—ни римской вѣси, ни римской церкви. Никакой общей идеи, никакой общей святыни. Надъ „христіанскими“ государствами, этими старыми готическими лавочками, все еще возвышается кое-гдѣ полусгнившій деревянный протестантскій, или ржавый мѣдный католическій крестъ; но никто уже не обращаетъ на нихъ вниманія. Религія современной Европы—не христіанство, а мѣщанство. Отъ благоразумнаго сытаго мѣщанства до безумнаго голоднаго звѣрства одинъ шагъ. Не только человѣкъ человѣку, но и народъ народу—волкъ. Отъ взаимнаго пожиранія удерживаетъ только взаимный страхъ, узда слишкомъ слабая для разсвирѣпѣвшихъ звѣрей. Не сегодня, такъ завтра они бросятся другъ на друга и начнется небывалая бойня.

У одного французскаго писателя Виллье-де-Лилль-Адана есть фантастическій рассказъ о двухъ сосѣднихъ городахъ, населенныхъ честными добрыми мѣщанами и лавочниками: поссорившись изъ-за какого-то вздора, городъ идетъ войною на городъ и, не смотря на трусость или вслѣдствіе этой трусости, лавочники истребляютъ лавочниковъ такъ, что отъ всей благополучной мѣщанской культуры остаются лишь рожки да ножки.

Международная политика современной Европы напоминаетъ политику этихъ трусливыхъ и свирѣпыхъ лавочниковъ.

Когда вглядываешься въ лица тѣхъ, отъ кого зависятъ нынѣ судьбы Европы,—вспоминаются предсказанія Милля и Герцена о неминуемой побѣдѣ духовнаго Китая. Прежде бывали въ исторіи изверги, Тамерланы, Атиллы, Борджіа. Теперь уже не изверги, а люди, какъ люди. Вмѣсто скипетра—аршинъ, вмѣсто Библии—счетная книга, вмѣсто алтаря—

прилавокъ. Какая самодовольная пошлость и плоскость въ выраженіи лицъ! Смотришь и „дивишься удивленіемъ великимъ“, какъ сказано въ Апокалипсисѣ: откуда взялись эти лакеи Смердяковы, эти торжествующіе хамы?

Да, со времени Герцена и Милля мѣщанство сдѣлало въ Европѣ страшные успѣхи.

Все благородство культуры, уйдя изъ области общественной, сосредоточилось въ уединенныхъ личностяхъ, въ такихъ великихъ отшельникахъ, какъ Нитше, Ибсенъ, Флоберъ и все еще самый юный изъ юныхъ—старецъ Гете. Среди плоской равнины мѣщанства эти бездонные артезианскіе колодцы человѣческаго духа свидѣтельствуютъ о томъ, что подъ выжженной землею еще хранятся живыя воды. Но нуженъ геологическій переворотъ, землетрясеніе, чтобы подземныя воды могли вырваться наружу и затопить равнину, снести муравьиныя кучи, опрокинуть старыя лавочки мѣщанской Европы. А пока—мертвая засуха.

И даже великіе отшельники европейскаго гения, только что, выходя изъ круга личной культуры, касаются общественной,—теряютъ свое благородство, пошлѣютъ, мелѣютъ, истощаются, какъ степныя рѣки въ пескахъ.

Когда Гете говоритъ о французской революціи, онъ вдругъ никнетъ къ землѣ, точно по какому-то злему волшебству великанъ сплющивается, сморщивается въ карлика, изъ эллинскаго полубога становится нѣмецкимъ бюргеромъ и—да проститъ мнѣ тѣнь Олимпійца—нѣмецкимъ филистеромъ, „господиномъ фонъ-Гете“, тайнымъ совѣтникомъ Веймарнскаго герцога и честнымъ сыномъ честнаго франкфуртскаго лавочника. Когда Флоберъ утверждаетъ: *la politique est faite pour la canaille*,—съ грустью вспоминаешь салонъ принцессы Матильды и другіе раззолоченные хлѣвы второй имперіи, гдѣ металъ этотъ Симеонъ-столпникъ эстетики жемчугъ передъ свиньями, проповѣдуя свою новую олигархію „ученыхъ мандаринъ“. Когда Нитше дѣлаетъ глазки

не только Бисмарку, но и русскому самодержцу, какъ величайшимъ проявленіемъ „воли къ могуществу“, *Wille zur Macht*, среди современной европейской немощи—то и на блѣдномъ челѣ „распятаго Діониса“ выступаетъ то же черное пятно мѣщанской заразы. Всѣхъ благороднѣе, потому что откровеннѣе всѣхъ, кажется, Ибсенъ, который свое отношеніе къ общественности выразилъ двумя словами: *врагъ народа*.

А друзья народа, такіе гениальные вожди демократіи, какъ Лассаль, Энгельсъ, Марксъ, проповѣдуя социализмъ, не только не предупреждаютъ практически, но и теоретически не видятъ той опасности „новаго Китая“, „духовнаго мѣщанства“, которыхъ такъ боялись Герценъ и Милль.

И въ отвѣтъ социалистамъ звучитъ страшная пѣсня новыхъ троглодитовъ:

Vive le son, vive le son
De l'explosion!

Анархизмъ—последняя судорога уже не общественнаго а личнаго бунта противъ нестерпимаго гнета государственнаго мѣщанства.

Нѣкогда всю глубину міровой скорби, связанной съ этимъ проваломъ европейской общественности, измѣряли такіе пѣвцы одинокаго отчаянія, какъ Леонарди и Байронъ. Теперь уже ничей взоръ не измѣритъ этой глубины: она оказалась бездонной. Молча обходятъ ее зрячіе, слѣпые въ нее молча падаютъ.

Но тутъ невольно, съ послѣднимъ отчаяніемъ или съ послѣдней надеждою, нашъ взоръ, такъ же, какъ предсмертный взоръ „сраженнаго гладіатора“ Герцена, обращается отъ одной изъ „двухъ нашихъ родинъ“ къ другой, отъ Европы къ Россіи, отъ мрачнаго Запада къ Востоку, еще болѣе мрачному, хотя уже окровавленному не то зарей, не то заревомъ. И тутъ опять возникаетъ въ началѣ XX вѣка вопросъ, поставленный въ серединѣ XIX: мѣщанство, не побѣжденное Европою, побѣдитъ ли Россія?

II.

„Русская интеллигенція—лучшая въ мірѣ“, объявилъ недавно Горькій.

Я этого не скажу, не потому, чтобы я этого не желалъ и не думалъ, а просто потому, что совѣстно хвалить себя. Вѣдь и я, и Горькій, оба мы—русскіе интеллигенты. И слѣдовательно, не намъ утверждать, что русскій интеллигентъ наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ интеллигентовъ въ наилучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Такой оптимизмъ опасенъ особенно по нынѣшнимъ временамъ въ Россіи, когда всякъ куликъ свое болото хвалить. Нѣтъ, ужъ лучше по другой пословицѣ: кого люблю, того и бью. Оно больнѣе, зато здоровѣе. Итакъ, я не берусь рѣшить, что такое русская интеллигенція, чудо ли она или чудовище,—я только знаю, что это, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто единственное въ современной европейской культурѣ.

Мѣщанство захватило въ Европѣ общественность; отъ него спасаются отдѣльныя личности въ благородство высшей культуры. Въ Россіи наоборотъ: отдѣльныхъ личностей не ограждаетъ отъ мѣщанства низкій уровень нашей культуры; зато наша общественность вся насквозь благородна.

„Въ нашей жизни, на самомъ дѣлѣ, есть что то безумное, но нѣтъ ничего пошлаго, *ничего мѣщанскаго*“.

Ежели прибавить: не въ нашей личной, а въ нашей общественной жизни,—то эти слова Герцена, сказанныя полвѣка назадъ, и понынѣ останутся вѣрными.

Русская общественность—вся насквозь благородна, потому что вся насквозь трагична. Существо трагедіи противоположно существованію идилліи. Источникъ всякаго мѣщанства—идиллическое благополучіе, хотя бы и дурного вкуса, „сонъ золотой“, хотя бы и сусальнаго Китайскаго золота. Трагедія, подлинное желѣзо гвоздей распинающихъ—источникъ всякаго благородства, той алой крови, которая всѣхъ этой

крови причащающихся дѣлаетъ „родомъ царственнымъ“. Жизнь русской интеллигенціи—сплошное неблагополучіе, сплошная трагедія.

Кажется, нѣтъ въ мірѣ положенія болѣе безвыходнаго, чѣмъ то, въ которомъ очутилась русская интеллигенція,—положенія между двумя гнетами: гнетомъ сверху, самодержавнаго строя, и гнетомъ снизу,—темной народной стихіи, не столько ненавидящей, сколько не понимающей,—но иногда непониманіе хуже всякой ненависти. Между этими двумя страшными гнетами русская общественность мелется, какъ чистая пшеница Господня,—дасть Богъ, перемелется, мука будетъ, мука для того хлѣба, которымъ, наконецъ, утолится великій голодъ народный; а пока все-таки участь русскаго интеллигента, участь зерна пшеничнаго—быть раздавленнымъ, размолотымъ—участь трагическая. Тутъ ужъ не до мѣщанства, не до жиру, быть бы живу!

Вглядитесь: какое въ самомъ дѣлѣ ни на что не похожее общество, какія странныя лица.

Вотъ молодой человѣкъ, „бѣдно одѣтый, съ тонкими чертами лица“, убійца старухи-процентщицы, подражатель Наполеона, недоучившійся студентъ, Родіонъ Раскольниковъ. Вотъ студентъ медицины, который потрошитъ своимъ скальпелемъ и скепсисомъ живыхъ лягушекъ, мертвыхъ философовъ, проповѣдуетъ *Stoff und Kraft* съ такою же разбойничьей удалю, какъ ребята Стеньки Разина покрикивали нѣкогда: *сарынь на кичку!*—нигилистъ Базаровъ. Вотъ опротившійся баринъ-философъ, пашущій землю, Николай Левинъ. Вотъ стыдливый, какъ дѣвушка, послушникъ, „краснощекій реалистъ“, „ранній человѣколюбецъ“, Алеша Карамазовъ. И братъ его Иванъ—ранній человѣконенавистникъ, Иванъ—„глубокая совѣсть“. И, наконецъ, самый необычайный изъ всѣхъ, „человѣкъ изъ подполья“, съ губами, искривленными какъ будто вѣчною судорогою злости, съ глазами полными любви новой, еще невѣдомой міру, „Іоанновой“, съ тяже-

лымъ взоромъ эпилептика, бывший Петрашевецъ и каторжникъ, будущая естественная помѣсь реакціонера съ террористомъ, полу-бѣсноватый, полу-святой, Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

За ними другіе, безъимянные,—лица еще болѣе строгаго классическаго благородства, точно изъ мрамора изваянные, образы новыхъ Гармодіевъ и Аристокитоновъ, Сэнь-Жюстовъ и Камиль Демуленовъ, гнѣвные херувимы народныхъ бурь. И дѣвушки—какъ чистыя весталки, какъ новыя Юдифи, идущія въ станъ Олоферна, съ молитвою въ сердцахъ и съ мечемъ въ рукахъ.

А въ самой темной глубинѣ, среди громовъ и молній нашего Синая, 14 Декабря—уже почти нечеловѣческіе облики первыхъ пророковъ и пратцевъ русской свободы,—изваянія уже не изъ мрамора, а изъ гранита, не того ли самого, чью глыбу попираетъ Мѣдный Всадникъ?

Это все что угодно, только не мѣщане. Пусть бы осмѣлился Флоберъ утверждать въ ихъ присутствіи: *la politique est faite pour la canaille*. Онъ скорѣе бы сдѣлался самъ,—чѣмъ сдѣлалъ бы ихъ чернью. Для нихъ политика—страсть, хмѣль, „огонь поядающій“, на которомъ воля, какъ сталь, раскаляется до-бѣла. Это ни въ какихъ народныхъ легендахъ не прославленные герои, ни въ какихъ церковныхъ святцахъ не записанные мученики—но подлинныя герои, подлинныя мученики.

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

Когда совершится „великое дѣло любви“, когда закончится освободительное движеніе, которое они начали и продолжаютъ,—только тогда Россія пойметъ, что эти люди сдѣлали и чего они стоили.

Что же это за небывалое, единственное въ мірѣ обще-

ство, или сословіе, или каста, или вѣра, или заговоръ? Это не каста, не вѣра, не заговоръ,—это все вмѣстѣ въ одномъ, это—русская интеллигенція.

Откуда она явилась? Кто ее создалъ? Тотъ же, кто создалъ или, вѣрнѣе, родилъ всю новую Россію,—Петръ.

Я уже разъ говорилъ и вновь повторяю и настаиваю: *первый русский интеллигентъ—Петръ*. Онъ отпечатлѣлъ, отчеканилъ, какъ на бронзѣ монеты, лицо свое на крови и плоти русской интеллигенціи. Единственные законные наследники, дѣти Петровы—всѣ мы, русскіе интеллигенты. Онъ въ насъ, мы въ немъ. Кто любитъ Петра, тотъ и насъ любитъ; кто его ненавидитъ, тотъ ненавидитъ и насъ.

Что такое Петръ? Чудо или чудовище? Я опять-таки рѣшать не берусь. Онъ слишкомъ родной мнѣ, слишкомъ часть меня самого, чтобы я могъ судить о немъ безпристрастно. Я только знаю—другого Петра не будетъ, онъ у Россіи одинъ; и русская интеллигенція у нея одна, другой не будетъ. И пока въ Россіи живъ Петръ Великій, жива и великая русская интеллигенція.

Мы каждый день погибаемъ. У насъ много враговъ, мало друзей. Велика опасность, грозящая намъ, но велика и надежда наша: съ нами Петръ.

III.

Среди всѣхъ печальныхъ и страшныхъ явленій, которыя за послѣднее время приходится переживать русскому обществу,—самое печальное и страшное—та дикая травля русской интеллигенціи, которая происходитъ, къ счастью, пока только въ темныхъ и глухихъ подпольяхъ русской печати.

Нужна ли для Россіи русская интеллигенція?—вопросъ такъ нелѣпъ, что, кажется иногда, отвѣчать не стоитъ. Кто же сами вопрошающіе, какъ не интеллигенты? Сомнѣваясь въ правѣ русской интеллигенціи на существованіе, они со-

ниваются въ своемъ собственномъ правѣ на существованіе,—можетъ быть, впрочемъ, и хорошо дѣлаютъ, потому что слишкомъ ничтожна степень ихъ „интеллигентности“. По истинѣ, есть въ этой травлѣ что-то самоубійственное. граничащее съ буйнымъ помѣшательствомъ, для котораго нужны не доводы разума, а смирительная рубашка. Бываютъ, впрочемъ, такія минуты, когда самому разуму ничего не остается дѣлать, какъ надѣвать эту смирительную рубашку на буйство безумныхъ.

Среди нечленораздѣльныхъ воплей и ругательствъ можно разобрать одно только обвиненіе, имѣющее нѣкоторое слабое подобіе разумности — обвиненіе русской интеллигенціи „въ безпочвенности“, оторванности отъ знаменитыхъ „трехъ основъ“, трехъ китовъ народной жизни.

Тутъ, пожалуй, не только „безпочвенность“, готовы мы согласиться, тутъ *бездна*, та самая „бездна“, надъ которою Мѣдный Всадникъ Россію „вздернулъ на дыбы“,—всю Россію, а не одну лишь русскую интеллигенцію. Пусть же ея обвинители скажутъ прямо: Петръ не русскій человѣкъ. Но въ такомъ случаѣ, мы, „безпочвенные“ интеллигенты, предпочтемъ остаться съ Петромъ и Пушкинымъ, который любилъ Петра, какъ самаго родного изъ родныхъ, нежели съ тѣми, для кого Петръ и Пушкинъ—чужіе.

„Страшно свободенъ духомъ русскій человѣкъ“, говоритъ Достоевскій, указывая на Петра. Въ этой-то страшной свободѣ духа въ этой способности внезапно отрваться отъ быта почвы, исторіи, сжигать всѣ свои корабли, ломать все свое прошлое во имя неизвѣстнаго будущаго,—въ этой произвольной *безпочвенности* и заключается одна изъ глубочайшихъ особенностей русскаго духа. Намъ очень трудно сдвинуть; но разъ мы сдвинулись, мы доходимъ во всемъ, въ добрѣ и злѣ, въ истинѣ и лжи, въ мудрости и безуміи, до крайности. „Всѣ мы русскіе любимъ по краямъ и пропастьямъ блуждать“, еще въ XVII вѣкѣ жаловался нашъ

первый славянофилъ Крижаничъ. Особенность, можетъ быть, очень опасная, но что же дѣлать?—быть самими собою не всегда безопасно. Отречься отъ нея значить сдѣлаться не только „безпочвеннымъ“, но и безличнымъ, бездарнымъ. Это похоже на парадоксъ, но иногда кажется, что наши „почвенники“, самобытники, націоналисты, гораздо менѣе русскіе люди, чѣмъ наши нигилисты, отрицатели, наши интеллигентные „бѣгуны“ и „нѣтовцы“. Самоотричаніе, самосожженіе—нѣчто нигдѣ, кромѣ Россіи, невообразимое, невозможное. Между протопопомъ Аввакумомъ, готовымъ сжечься и жечь другихъ за старую вѣру и анархистомъ Бакунинымъ, предлагавшимъ, во имя Дрезденской революціи, выставить на стѣнахъ осажденнаго города Сикстинскую Мадонну для защиты отъ прусскихъ бомбъ,—пруссакі-де народъ образованный, стрѣлять по Рафаэлю не посмѣютъ,—между этими двумя русскими *крайностями*—гораздо больше сходнаго, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда.

Пушкинъ сравнивалъ Петра съ Робеспьеромъ и въ петровскомъ преобразованіи видѣлъ „революцію сверху“, „бѣлый терроръ“. Въ самомъ дѣлѣ, Петръ не только первый русскій интеллигентъ, но и первый русскій нигилистъ. Когда „протодіаконъ всешутѣйшаго собора“ кощунствуетъ надъ величайшими народными святынями, это нигилизмъ гораздо болѣе смѣлый и опасный, чѣмъ нигилизмъ Писарева, когда онъ разноситъ Пушкина.

Русскіе крестьяне-духоборы, очутившіеся гдѣ-то на краю свѣта, въ Канадѣ, распустившіе домашній скотъ и сами запрягшіеся въ плуги, изъ милосердія къ животнымъ, это ли не „безпочвенность“? И вмѣстѣ съ тѣмъ, это ли не русскіе люди? „Духоборчество“, чрезмѣрная духовность, отвлеченность, раціонализмъ, доходящій до своихъ предѣльныхъ выводовъ, до края „бездны“, сказавшійся въ нашемъ простонародномъ сектанствѣ, сказывается и въ нашей интеллигенціи. Нигилистъ Базаровъ говоритъ: „умру, лопухъ

выростеть". Ниль Сорскій завѣщаетъ не хоронить себя, а бросить гдѣ-нибудь въ полѣ, какъ „мертваго пса“: въ обоихъ случаяхъ, не смотря на разницу въ выводахъ, одна и та же бессознательная метафизика—аскетическое презрѣніе духа къ плоти. Интеллигентная „безпочвенность“, отвлеченный идеализмъ есть одинъ изъ послѣднихъ, но очень жизненныхъ отпрысковъ народнаго аскетизма.

Бѣда русской интеллигенціи не въ томъ, что она недостаточно, а скорѣе въ томъ, что она *слишкомъ русская*, только русская. Когда Достоевскій въ глубинѣ русскаго искалъ „всечеловѣческаго“, всемірнаго, онъ чужлъ и хотѣлъ предупредить эту опасность.

„Безпочвенность“ — черта подлинно-русская, но, разумѣется, тутъ еще не вся Россія. Это только одна изъ противоположныхъ крайностей, которая такъ удивительно совмѣщаются въ Россіи. Рядомъ съ интеллигентами и народными рационалистами-духоборами есть интеллигентные и народные хлысты-мистики.

Рядомъ съ черезчуръ трезвыми есть черезчуръ пьяные. Кромѣ равнинной, въ ширь идущей, нѣскольکو унылой и сѣрой, дневной Россіи Писарева и Чернышевскаго:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—

есть вершинная и подземная, въ высь и въ глубь идущая, тайная, звѣздная, ночная Россія Достоевскаго и Лермонтова

Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздой говорить...

Какая изъ этихъ двухъ Россій подлинная? Обѣ одинаково подлинныя.

Ихъ разьединеніе дошло въ настоящемъ до послѣднихъ предѣловъ. *Какъ соединить ихъ?*—вотъ великій вопросъ будущаго.

Д. Мережковскій.